DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.058
УДК 325.2:355.1(470) + 342.395:355.081.3 + + 94(510) + 94(518)

С. В. Смирнов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

КОРПУС ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ И ФЛОТА В БОРЬБЕ ЗА ЛИДЕРСТВО В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ (1920-е — начало 1940-х гг.)

Стремление антибольшевистских сил российской эмиграции к реваншу в проигранной большевикам Гражданской войне выдвинуло на первый план вопрос о консолидации остатков Белой армии и создании единого руководящего центра. Добиться единства не удалось. В результате появились две крупнейшие организации, объединявшие бывших русских военных, — Корпус Императорской Армии и Флота (КИАФ) и Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Статья посвящена малоизученным вопросам становления, развития, организации и деятельности подразделений КИАФ на территории Китая в 1920-е — начале 1940-х гг. Исследование опирается на достаточно слабо введенные в научный оборот документы из центральных и региональных архивов РФ, а также эмигрантскую периодику. Большое внимание уделено проблемам противостояния КИАФ и РОВС в стремлении возглавить военную эмиграцию в осуществлении антисоветской борьбы, а также причинам провала деятельности китайских подразделений КИАФ. Подводя итоги деятельности КИАФ в Китае, автор указывает основные причины его неудач: стратегические просчеты (ставка на сохранение значительной частью населения Советского Союза монархических взглядов и восприятие Красной Армии восприемницей Императорской Армии), личные амбиции и имперско-патриотический романтизм ВК Кирилла Владимировича, приведшие к расколу монархического движения и русской военной эмиграции, что вызвало, в свою очередь, нездоровую конкуренцию в рядах антибольшевиков, а также отсутствие у легитимистов надежной финансовой базы и серьезные недостатки в работе руководства китайских подразделений КИАФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: российская эмиграция; Корпус Императорской Армии и Флота; легитимисты; Русский Обще-Воинский Союз; Китай; Маньчжурия.

Корпусу Императорской Армии и Флота (КИАФ), монархической, легитимистской организации, главному оппоненту РОВС в объединении российской военной эмиграции в 1920–1930-е гг., к сожалению, не уделено серьезного внимания в отечественной историографии. Исследователи дают либо общие сведения о легитимистском движении, либо останавливаются на отдельных эпизодах деятельности организации [Громов; Серегин]. Особенно в этом отношении не повезло дальневосточным подразделениям КИАФ, информация о которых фрагментарна и противоречива [Антонов; Между Первой и Второй мировыми войнами; Усов]. Причина состоит в том, что в сравнении с РОВС, деятельность

© Смирнов С. В., 2016

которого достаточно полно отражена в многочисленных документах, хранящихся в архивах США и России, материалов, относящихся к легитимистскому движению, сохранилось сравнительно немного. Тем не менее, обращение к документам региональных российских архивов (ГАХК, ГААОСО), фондам ГАРФ и эмигрантской периодике позволяет представить структуру и деятельность китайских подразделений КИАФ достаточно полно.

Оформление русского монархического движения в эмиграции произошло на Рейхенгалльском съезде, проходившем в Баварии в мае-июне 1921 г. Съезд сформировал так называемую «Рейхенгалльскую платформу», основанную на признании необходимости реставрации монархии в освобожденной от большевиков России при сохранении династии Романовых. Однако фигура конкретного претендента на престол не называлась. Руководящим органом монархического движения стал Высший монархический совет (ВМС).

В августе 1922 г. Великий Князь (ВК) Кирилл Владимирович, старший в порядке престолонаследия член Императорского дома Романовых, издал обращение к «Русскому Народу и Воинству». Кирилл Владимирович объявлял себя Блюстителем Государева престола «впредь до той поры, когда весть о злодейском убиении Государя Императора Николая Александровича и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича будет опровергнута, или, если сей надежде не суждено осуществиться, впредь до того дня, когда Земский Собор провозгласит Законного Государя». В обращении к Российскому Воинству Великий Князь указал, что «нет двух Русских армий. Имеется, по обе стороны рубежа Российского, Единая Русская Армия, беззаветно преданная России, ея вековым устоям, ея исконным целям». Именно Русская Армия и должна спасти многострадальную Родину и вернуть России светлое будущее [HIA, b. 7, f. 11. Émigré organization].

Выступление Кирилла Владимировича не было поддержано ВМС и многими представителями императорского дома. Это не остановило Великого Князя, и в мае 1924 г. он объявил себя Российским императором (резиденция в Сен-Бриаке, Бретань) и призвал к объединению вокруг себя народа и армии. Этот шаг окончательно расколол монархическое движение на легитимистов, сторонников ВК Кирилла Владимировича, и непредрешенцев, считавших, что новый император должен быть избран только после освобождения России и при участии всего народа.

В конце апреля 1924 г. Кирилл Владимирович, стремясь возглавить Русскую армию в изгнании, утвердил образование Корпуса Офицеров Императорской Армии и Флота (позднее Корпус Императорской Армии и Флота), «с целью произвести отбор достойных Русских Офицеров, верных Престолу и Основным Законам Российской Империи и объединить их под Знаменем Законности для предстоящего служения Родине...» [Серегин, с. 96].

Главнокомандующий Русской армией генерал П. Н. Врангель, не заявляя прямо о своем неподчинении Великому Князю, в то же время инициировал создание в сентябре 1924 г. альтернативного объединения — Русского Обще-Воинского

Союза. Главой всех русских вооруженных сил за рубежом был признан бывший главнокомандующий Императорской армией ВК Николай Николаевич, не признавший Кирилла Владимировича императором. Создание КИАФ и РОВС привело к расколу и дальнейшему противостоянию в среде военной эмиграции.

Дальний Восток, где в начале 1920-х гг. еще сохранялась единственная неподконтрольная большевикам территория (российское Приморье) и находилась большая масса эмигрантов, не мог не привлечь внимание легитимистов. К тому же в августе 1922 г. во Владивостоке было сформировано правительство Приамурского Земского края во главе с генералом М. К. Дитерихсом с ярко выраженной монархической направленностью.

Задача организации легитимистского движения на Дальнем Востоке была возложена на назначенного в 1922 г. представителем ВК Кирилла Владимировича в этом регионе генерал-майора Ф. А. Риттиха, в годы Гражданской войны являвшегося генералом для поручений при Верховном уполномоченном правительства адмирала А. В. Колчака на Дальнем Востоке генерале Д. Л. Хорвате [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 16а, л. 49].

Генерал Риттих был очень осторожен в своих действиях, поскольку генерал Дитерихс не поддержал выдвижение Великого Князя в качестве Блюстителя Государева престола. Опубликованное в Харбине воззвание Великого Князя не получило значительного отклика и в состав организации легитимистов первоначально вошло лишь 37 человек [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 225]. Главными фигурами, с которыми Риттиху удалось установить связи в Харбине, были генерал-лейтенант Н. А. Лохвицкий (бывший командующий Дальневосточной армией) и полковник Н. Л. Жадвойн (бывший начальник разведывательного отделения штаба 1-го Забайкальского корпуса).

В 1923 г. генералы Лохвицкий и Риттих уехали в Европу, где Риттих вскоре скончался. Лохвицкий же занял видное место в легитимистском движении, будучи в 1925–1933 гг. председателем Совета по военным и морским делам при Великом князе. Уезжая в Европу, Риттих по согласованию с центром передал полномочия представителя ВК Кирилла Владимировича полковнику Жадвойну.

Сведений о первых легитимистах сохранилось очень мало. Однако известно, что одним из доверенных лиц Жадвойна являлся капитан Т. П. Москалев, по имеющимся свидетельствам, личность весьма темная. Всю Гражданскую войну Москалев провел в Забайкалье в составе Броневой дивизии атамана Г. М. Семенова. Одно время командовал бронепоездом «Истребитель», участвовал в боях с партизанами и был известен своей жестокостью [Там же, д. 40158, л. 23]. Среди офицеров семеновского Особого Маньчжурского отряда отношение к нему было недоверчивым и в некоторой степени брезгливым. Ходили слухи о том, что жена Москалева ушла к богатому иностранцу, так он стал этого иностранца шантажировать и «перебрал порядочно денег от него». В то же время в окружении атамана Семенова Москалев, хотя и не пользовался любовью, но считался человеком нужным [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 15158, л. 12]. Вероятно, уже тогда будущий легитимист был связан с японцами.

В 1924 г. Жадвойн перебрался из Харбина в Чаньчунь, а оттуда — в столицу Трех Восточных провинций — Мукден. Причинами этого стало усиление советского влияния и активная деятельность советской разведки в Харбине после установления в мае 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Китайской республикой и восстановления совместного управления Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД). Согласно воспоминаниям ветеранов советских спецслужб, Жадвойн якобы входил в руководство так называемого «Таежного штаба», координировавшего деятельность белых партизан в приграничных с СССР районах [Антонов; Между Первой и Второй мировыми войнами]. Осенью 1924 г., благодаря успешным действиям советской разведки, «Таежный штаб» был разгромлен и Жадвойн, опасаясь за свою жизнь, покинул Харбин.

С образованием КИАФ в легитимистском движении в Маньчжурии появились новые лица — генерал-майоры В. И. Печенкин, П. А. Федосеев, полковники А. В. Эглау, Ф. Д. Друри и др. Важную, но тщательно скрываемую роль в работе харбинских легитимистов играл генерал-майор К. К. Акинтиевский (в 1919 г. офицер Штаба Верховного Главнокомандующего в Омске, в Забайкалье — начальник штаба Дальневосточной армии). Находясь на официальной службе в Управлении КВЖД и имея китайское подданство, Акинтиевский, тем не менее, был причастен к работе так называемого оперативного отделения харбинского Офицерского союза, поддерживавшего связи с боевым подпольем [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 4922, л. 97]. Была ли легитимистская ориентация Акинтиевского обусловлена только его искренней приверженностью монархии и симпатией к ВК Кириллу Владимировичу, сказать сложно. Возможно, свою роль в выборе Акинтиевского сыграло его исключение из ориентированного на РОВС Офицерского союза за «заискивание перед советскими служащими КВЖД» [Там же].

Почти сразу после образования КИАФ и РОВС между ними разгорелась борьба за привлечение в свои ряды объединений бывших военных, в чем первоначально Обще-Воинский Союз был более успешен. К концу 1920-х гг. общая численность РОВС составляла около 100 тысяч человек, тогда как в рядах КИАФ находилось лишь 15 тысяч [Граф, с. 123]. В Харбине, по имеющимся данным, количество легитимистов до конца 1920-х гг. едва превышало сто человек [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 255].

Конкурируя с РОВС, представители легитимистского руководства в Маньчжурии предпринимали попытки перетянуть на свою сторону видных членов Обще-Воинского Союза. В частности, это касалось генералов Е. Г. Сычева и И. Ф. Шильникова, руководивших партизанскими группами, действовавшими на границе с Приамурьем и Забайкальем. Есть сведения, что Сычев и Шильников в 1926 г. высказывались о своей лояльности в отношении ВК Кирилла Владимировича [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139, л. 14 об.]. Эмиссары легитимистов работали в казачьем Трехречье и оторванной от других частей «русского Китая» провинции Синьцзян.

Важным объектом конкуренции для РОВСовцев и легитимистов были русские военные, служившие в китайской Шаньдунской армии. Представителем КИАФ в Русской группе войск Шаньдунской армии являлся начальник штаба 65-й дивизии генерал-майор (полковник русской службы) М. В. Куклин [Политическая история русской эмиграции, с. 41]. В Русской группе служил и капитан Москалев. После возвращения из китайской армии Москалев был отстранен Жадвойном от работы в организации легитимистов, по-видимому, за махинации, связанные с его именем (попытка шантажа атамана Семенова в компании со своим сослуживцем капитаном Закржевским), и сотрудничество с японской разведкой [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 15158, л. 12]. Борьба КИАФ и РОВС за Русскую группу войск оказалась неудачной. После ряда поражений в боях с войсками южного революционного лагеря и в связи с общим ухудшением политической обстановки для северных милитаристов, в чьих войсках и служили эмигранты, Русская группа стала редеть и в конце 1928 г. была полностью ликвидирована.

Помимо РОВС, конкурентом для легитимистов в Маньчжурии являлись монархисты, подчинявшиеся ВМС. В Харбине существовал отдел ВМС и ориентированный на него Окружной совет объединенных монархических организаций. Одного из руководителей Окружного совета генерал-майора Д. В. Загоскина, развернувшего активную борьбу против легитимистов, последние объявили едва ли не агентом Коминтерна [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139, л. 14 об.].

В конце 1920-х гг., на фоне обострения советско-китайских отношений, усилилась политизация русской эмигрантской общины в Маньчжурии. Выросла численность членов антисоветских организаций, активизировалась деятельность боевого подполья в приграничных районах. В это время организационная структура КИАФ в Китае приобретает более определенный вид. В 1928 г. в Китае имелось три отдела Корпуса: Харбинский под руководством полковника Эглау, Мукденский под руководством произведенного ВК в генерал-майоры Жадвойна и Шанхайский. В 1929 г. был сформирован Маньчжурский округ КИАФ с центром в Харбине. Во главе округа встал Георгиевский кавалер генерал-лейтенант В. А. Кислицин, привлеченный в организацию легитимистов Акинтиевским. В то время Кислицин являлся сотрудником китайской железнодорожной полиции, где служило немало бывших русских военных. Вступление генерала в организацию легитимистов повлекло за собой пополнение рядов КИАФ русскими полицейскими. В период советско-китайского вооруженного конфликта вокруг КВЖД (лето-осень 1929 г.) Кислицин сформировал несколько вооруженных отрядов для борьбы против большевиков [Кислицин, с. 14], которые вскоре были распущены, не приняв участия в вооруженных столкновениях.

Ситуация в Маньчжурии в 1929 г. не могла остаться без внимания легитимистского центра, тем более что ее стремились использовать и РОВСовцы. Наиболее активным сторонником вооруженной борьбы с советской властью в окружении ВК Кирилла Владимировича являлся генерал Лохвицкий. Лохвицкий

считал, что самым уязвимым с точки зрения обороны местом Советского Союза является Дальний Восток. Здесь и нужно было готовить главный удар Советам. Генерал предлагал реорганизовать КИАФ, сделав его основой интервенционной армии, и создать в приграничных с СССР районах Дальнего Востока сеть партизанских отрядов. Великий Князь, противник освобождения России путем интервенции, не принял проект Лохвицкого [Граф, с. 123, 133].

Все попытки эмигрантских антибольшевистских сил в Китае включиться в открытую вооруженную борьбу с Советами в 1929 г. не увенчались успехом. Китайские власти не доверяли белым и практически не давали им возможности действовать. После поражения китайских войск в боях с частями Красной армии и заключения советско-китайского соглашения в Хабаровске в январе 1930 г. было предписано распустить все белые партизанские отряды, а белых активистов выдворить за пределы Маньчжурии. Начались чистки и в среде русских служащих КВЖД.

Весной 1930 г. из Управления КВЖД был уволен генерал Акинтиевский. После этого он стал открыто работать у легитимистов, занимая должность помощника генерала Кислицина. В реальности же умный, дальновидный, решительный Акинтиевский являлся неофициальным руководителем маньчжурского подразделения КИАФ. Есть упоминания, что Акинтиевский, острый на язык, за глаза называл Кислицина, рубаку-кавалериста, имевшего четырнадцать ранений, и не сильно искушенного в политике, «всадником без головы» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 227]. Несмотря на неблагоприятные для белых условия, численность легитимистов в Маньчжурии в 1930–1931 гг. выросла до нескольких сотен человек [Там же, л. 226]. В какой-то степени этому способствовало снижение авторитета РОВС в связи со смертью его руководителей — генерала Врангеля и ВК Николая Николаевича и неспособностью Союза наладить эффективную борьбу против советского режима, а также привлечение легитимистами в свои ряды молодежи, что было результатом взаимодействия с такими крупными молодежными организациями, как Союз Мушкетеров, Черное кольцо, Орден крестоносцев [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139, л. 14 об.].

Помимо Харбина, крупным центром легитимистского движения в Китае являлся Шанхай. В 1929 г. представителем ЕИВ в Шанхае был назначен перебравшийся сюда из Мукдена генерал Жадвойн. В организационном плане Шанхайское подразделение КИАФ представляло собой Отдельный район, первоначально состоявший из двух отделов, и Отдельный морской отдел. С декабря 1930 г. начальником Отдельного района и Отдельного Морского отдела стал контр-адмирал В. В. Безуар (в годы Гражданской войны в Приморье помощник командующего Сибирской флотилией), служивший в Шанхае на гражданских судах. Помощником Безуара являлся полковник Н. Н. Николаев, начальником 1-го отдела — подполковник Аппарович, 2-го отдела — подполковник В. А. Иеропес. Канцелярия района первоначально располагалась на авеню Жоффр, одной из наиболее населенных русскими эмигрантами улиц Шанхая на территории Французской концессии [Там же, ф. Р-9145, оп. 1, д. 241, л. 1].

Третий отдел Отдельного района, являвшийся до конца 1930 г. самостоятельным, находился в Тяньцзине. В Циндао, а также в Японии функционировали Отдельные группы КИАФ. В 1931 г., в связи с увеличением численности легитимистов, в составе Отдельного района в Шанхае были сформированы 4-й, 5-й и 6-й отделы, возглавляемые соответственно ротмистром Гапановичем, полковником Б. Николаевым и штабс-капитаном Отлановым [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139, л. 59].

В Шанхае так же, как и в Маньчжурии, разгорелась активная борьба между РОВС (Шанхайское отделение Союза было сформировано в 1930 г.) и КИАФ за влияние на военные организации и объединения, которых в Шанхае было около двух десятков. Борьба шла с переменным успехом — до 1932 г. перевес был на стороне РОВС, но позднее часть объединений бывших военнослужащих откололись от Обще-Воинского Союза и примкнули к легитимистам. Достаточно сильные позиции КИАФ имел в Русском отряде Шанхайского волонтерского корпуса, являвшемся постоянной воинской частью, охранявшей Международный сеттльмент.

В сентябре 1931 г. японская Квантунская армия вторглась в Маньчжурию и обеспечила здесь в марте 1932 г. провозглашение «независимого» маньчжуро-монгольского государства Маньчжоу-го. Для политически активной части русской эмиграции приход в Маньчжурию японцев, казалось бы, открыл новые перспективы борьбы против советской власти при поддержке японской стороны. В самом деле, эмигрантские политические организации в Маньчжоу-го были легализованы, выросла их численность и заметно усилилась роль в жизни эмигрантской общины. Легитимистское движение в Маньчжурии в это время достигло пика в своем развитии.

Глава Маньчжурского округа КИАФ генерал Кислицин был назначен главным представителем ЕИВ Кирилла Владимировича в Маньчжоу-го. Заместителями Кислицина являлись: по военной линии — генерал-майор Акинтиевский, по гражданской — генерал-майор (производства Сен-Бриака) Эглау. Штаб отделения имел в своем составе ряд отделов: пехотный (начальник — генерал-майор Н. Н. Соболевский), кавалерийский (в 1932 г. — полковник Г. И. Круглик, в 1933–1934 гг. — полковник Л. А. Зеленцов), артиллерийский (полковник С. Н. Цилов), инженерный (полковник С. Куксин), морской (капитан Запольский, в 1933 г. — ст. лейтенант М. И. Никифоров), санитарный (генерал-майор С. И. Тарновский), молодежный (полковник А. А. Павловский) [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36825, л. 31, 32; д. 36449, л. 24; д. 39453, л. 28].

Территориально Маньчжурский округ КИАФ разбивался на районы и отделы. Харбин, где было сосредоточено наибольшее количество членов Корпуса, делился на пять районов. В каждом районе существовало по два отдела. Например, 4-й отдел 4-го Харбинского района именовался Ижевским. Он был сформирован в 1930 г. на базе Ижевского объединения бывших военнослужащих ижевских частей и выходцев из района Ижевского завода. Главой Ижевского объединения и 4-го Ижевского отдела КИАФ являлся штабс-капитан Ф. Н. Зорин, воевавший

в 1918 г. в рядах Ижевской Народно-Революционной армии [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 207]. Представительства Ижевского объединения действовали в столице Маньчжоу-го — Синьцзине (капитан Вершинин) и на ст. Куанченцзы (поручик Богданов) [Грядущая Россия, 1934, № 15–16, с. 42].

Наряду с Харбином центрами районов КИАФ являлись Мукден (в 1929–1932 гг. начальник — генерал-майор Н. Ф. Петухов, в 1934 г. — подполковник Гонелин), Хайлар, Цицикар, Трехречье, ст. Пограничная [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36825, л. 32]. Известны некоторые отделы КИАФ — 24-й Уссурийский казачий отдел в Харбине, 27-й отдел на восточной линии КВЖД (ст. Пограничная и Мулин, раз. Эхо), 32-й отдел на южной линии КВЖД (Синьцзин — ст. Куанченцзы) [Грядущая Россия, 1934, № 11, с. 23, 24]. Общая численность членов КИАФ в Маньчжурии в 1934 г. превышала 1 000 человек [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36825, л. 29].

В Трехречье, приграничном районе с советским Забайкальем, главной фигурой среди легитимистов стал подполковник Москалев, получивший сюда назначение от генерала Кислицина. Будучи доверенным лицом японцев, Москалев к тому же возглавлял Трехреченский пограничный полицейский отряд, назначая на должности в основном близких себе людей. Как отмечал один из эмигрантских информаторов, «легитимисты торопятся к нему (Москалеву. — *С. С.*) на поклон, в Трехречье назначаются исключительно легитимисты. В какие-нибудь 3–4 месяца все Трехречье начинает ненавидеть легитимистов» [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 15158, л. 13].

Большое внимание легитимисты так же, как и РОВС, уделяли работе с молодежью, которая должна была стать надежной сменой старшему поколению в борьбе за освобождение России. В Харбине действовал входивший в состав КИАФ Союз монархической молодежи, возглавляемый ротмистром П. П. Меем [Часовой, 1935, № 141–142, с. 33]. Легитимисты установили шефство над харбинским приютом-училищем «Русский Дом», директор которого, капитан 2-го ранга К. И. Подольский, являлся членом КИАФ. При 24-м Уссурийском казачьем отделе в декабре 1933 г. был создан отряд потешных. Инициатором создания отряда стал и. д. начальника отдела подхорунжий Афраков [Грядущая Россия, 1934, № 14, с. 22]. «Потешные» мало чем отличались от объединений русских скаутов и разведчиков, разве что своей «политической ориентацией». Ставка на создание своего скаутского объединения объяснялась тем, что наиболее многочисленный контингент скаутов в Маньчжоу-го — Национальная организация русских разведчиков — находился под влиянием РОВСа.

Для военного обучения молодежи легитимисты организовали в Харбине в 1932 г. полугодичные вечерние унтер-офицерские курсы, а в мае 1934 г. была открыта инструкторская школа. В составе школы предполагалось развернуть техническую роту, батарею, эскадрон-сотню и пехотную (стрелково-пулеметную) роту [Грядущая Россия, 1934, № 9–10, с. 44]. Кроме того, руководство Маньчжурского округа КИАФ организовывало для офицеров заочное обучение на Высших военно-научных курсах генерала Н. Н. Головина (Париж).

В конце 1933 г. при штабе отделения был организован Дамский Благотворительный кружок, возглавляемый О. В. Кислициной. Одной из главных задач кружка являлось участие в изыскании средств для поддержания деятельности КИАФ.

Для политических организаций эмиграции вопрос финансирования являлся едва ли не самым сложным и легитимисты здесь не были исключением. Финансирование организации осуществлялось за счет членских взносов, проведения увеселительных вечеров и балов, сборов в фонд «Грядущей России». В Харбине существовала касса взаимопомощи (в 1934 г. председателем Правления кассы состоял генерал Соболевский). По состоянию на 1 июня 1934 г. членами кассы взаимопомощи являлись 481 человек. Касса предоставляла средства на лечение и операции для больных членов КИАФ и на погребение умерших. Как показывает отчет Правления кассы за апрель-май 1934 г., приход был мизерный и составил в апреле около 103 китайских долларов, в мае — 69,5 [Грядущая Россия, 1934, № 14, с. 24].

Легитимисты имели в Китае несколько собственных печатных изданий. В Маньчжоу-го таким изданием являлся журнал «Грядущая Россия». Здесь размещалась информация из Сен-Бриака, приказы штаба Маньчжурского округа КИАФ, сведения о мероприятиях, проводимых легитимистами, различного рода статьи, выдержанные, в целом, в аляповатом патриотически-монархическом тоне. В Шанхае самым ранним печатным органом легитимистов являлась газета «Штандарт», первым редактором которой был контр-адмирал Безуар. В первой половине 1930-х гг. еще одной печатной трибуной легитимистов стал журнал «Армия и Флот», издававшийся полковником Н. В. Колесниковым, изгнанным в свое время из рядов РОВС. Стиль издания Колесникова отличался не менее велеречиво-пышным патриотически-монархистским пафосом.

В 1933–1934 гг. генерал Кислицин и его окружение развернули невероятно активную «деятельность». Кислицин регулярно издавал приказы и распоряжения, организовывал торжественные молебны, собрания, выступления старших чинов КИАФ с докладами и т. п. Сносился с Сен-Бриаком, направляя подробные отчеты о деятельности Маньчжурского округа и пространные списки желающих стать членами легитимистской организации как по военному, так и по гражданскому ведомствам. Согласно воспоминаниям Г. К. Графа, «проверить, кто все эти люди и выполняют ли они те функции, о которых сообщал Кислицин, было невозможно, поэтому приходилось Кислицину верить» [Граф, с. 191]. В конце 1932 г. по инициативе дальневосточного руководства легитимистов стали учреждаться Кадры старых боевых полков Российской Армии. В Харбине — 79-го пехотного Куринского (начальник — полковник Ф. Недоспасов) и 38-го стрелкового Сибирского (начальник — полковник Павловский) полков, в Шанхае — 1-го стрелкового Сибирского Императора Николая II полка (начальник — полковник Н. Н. Николаев) [Армия и Флот, 1932, № 6, с. 63].

Практически ничего не известно о боевой и пропагандистской работе легитимистов на советской территории. Основную роль здесь играли сотрудничавшие

между собой Дальневосточные отделы Братства Русской Правды и РОВС. Имеются отрывочные сведения лишь о переброске на территорию СССР легитимистской литературы, которую на ст. Пограничная прятали в вагонах поездов, отправлявшихся в Советский Союз. При этом русские чины железнодорожной полиции, среди которых было немало легитимистов, оказывали помощь в осуществлении политической «контрабанды» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36873, л. 21].

«Служение» членов КИАФ Родине и Императорскому дому щедро вознаграждалось Сен-Бриаком производством в очередные офицерские чины и награждением достойных учрежденным в 1929 г. орденом Святителя Николая Чудотворца. Среди легитимистов, повышенных в воинских чинах, были генерал-лейтенант Кислицин, удостоенный звания генерала от кавалерии, полковники Жадвойн, Эглау, И. П. Пацковский (начальник одного из харбинских районов Корпуса) [Там же, д. 36825, л. 14 об.], произведенные в чин генерал-майора, штабс-капитан Зорин, последовательно ставший капитаном (1930) и подполковником (1934), капитан Москалев, «добравшийся» до генерал-майора, и мн. др.

Орденский знак Святителя Николая Чудотворца можно были приобрести или заказать в Харбине в ювелирном магазине Сарапова при предъявлении свидетельства на право ношения ордена. Стоило это недешево — 5 гоби без стоимости ленты [Грядущая Россия, 1934, № 11, с. 24].

В 1934 г. в Маньчжоу-го наметилось сближение между КИАФ и РОВС на платформе идеи создания единого антибольшевистского фронта. По информации дальневосточного корреспондента журнала «Часовой» (центральный печатный орган РОВС), в 1934 г. в Харбине на празднике кавалеров ордена св. Георгия произошла встреча генералов Вержбицкого, начальника Харбинского отделения РОВС, и Кислицина, где было объявлено об объединении двух организаций [Часовой, 1934, № 121, с. 29]. Впрочем, создать объединение так и не удалось. Не последнюю роль в этом сыграла активная поддержка ВК Кириллом Владимировичем младоросского движения, идеократическая монархия которого была совершенно неприемлема для РОВС, усмотревшего в ней созвучие с социализмом.

Предложение из Сен-Бриака объединиться с отделением Партии младороссов, возникшим в Харбине в 1932 г., вызвало недовольство и в рядах маньчжурских легитимистов. Главным противником младороссов выступил генерал Акинтиевский, тогда как Кислицин предложение из штаб-квартиры воспринял как приказ [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 228]. Отношения между генералами накалились, тем более что Кислицин давно тяготился ролью «всадника без головы». В результате Акинтиевский вышел из состава КИАФ и стал работать начальником штаба в Военно-монархическом союзе (ориентировался на ВМС), возглавляемом генералом В. Д. Косьминым [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 565, л. 10, 11].

Между тем, к середине 1930-х гг. руководящее положение Японии в Маньчжоу-го окончательно приобрело свои политические и экономические формы. Русской политической эмиграции недвусмысленно дали понять, что

ее будущее напрямую связано с отношением к Японии. Японии нужна была по возможности единая и лояльная к ней русская эмиграция. В 1934 г. японцы возглавили процесс объединения эмигрантских организаций, который к тому времени зашел в тупик из-за острых «межпартийных» противоречий. Результатом объединительной политики японцев стало создание в декабре 1934 г. Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), представительно-административного органа эмигрантской общины.

Легитимисты в лице генерала Кислицина поддержали «объединительную» политику японских властей, в отличие от РОВС, который не желал признавать выдвижение японцами атамана Семенова в качестве вождя русской эмиграции в Маньчжоу-го. Интересно отметить, что в рядах Обще-Воинского Союза практически не было офицеров-семеновцев, тогда как у легитимистов их было немало. Генерал Кислицин, несмотря на разговоры о его противоречиях с атаманом, относился к Семенову вполне лояльно. Главный представитель ЕИВ в Маньчжоу-го на страницах эмигрантской печати неоднократно высказывался в поддержку всех тех, кто борется против «злейшего врага всего мира, кровавого Коминтерна», и особенно симпатизировал Японии: «...дружба с великим Ниппонским народом, освященная кровью на полях Великой Войны и Сибири, еще сильна в наших сердцах и что только в тесном единении с нашими союзниками — залог успеха нашей работы здесь на Дальнем Востоке» [Грядущая Россия, 1934, № 14, с. 2].

В отношениях легитимистов с японскими политическим кругами вновь встал вопрос о младороссах, которых японцы считали скрытыми большевиками. Вероятно, не без указки японской стороны в начале осени 1934 г. на ст. Пограничная и в близлежащих населенных пунктах прошли аресты эмигрантов, подозреваемых в связях с советской стороной. Среди арестованных было много легитимистов. Руководил этой акцией начальник полицейского пограничного отряда штабс-капитан Б. Н. Шепунов, сотрудничавший с японской жандармерией и в то же время возглавлявший отделение РОВС на ст. Пограничная. Арестованные подвергались избиениям и пыткам, но в результате дальнейших судебных разбирательств их оправдали и освободили [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 41212, л. 20–22]. Шепунов и его команда, тем не менее, не получили никаких взысканий за применение насилия в отношении подозреваемых.

В этой ситуации Кислицин, понимая, кто является настоящим хозяином положения в Маньчжоу-го, заявил в конце 1934 г. о своем выходе из КИАФ. Вместе с ним организацию только в Харбине покинули более 300 человек [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36825, л. 29]. После разрыва с Сен-Бриаком Кислицин был лишен штаб-квартирой всех своих чинов и званий и объявлен «предателем», вместе с ним ярлык «изменника» получил и генерал Акинтиевский [Там же, д. 46300, л. 228]. Новым руководителем существенно поредевшего Маньчжурского округа легитимистов стал генерал Эглау.

Летом 1935 г. в Харбине прошли аресты и выдворение за пределы Маньчжоуго неугодных японцам и БРЭМ эмигрантских активистов. Первый удар был

нанесен по РОВС: часть его руководителей были высланы, а в конце 1935 г. деятельность организации на территории Маньчжоу-го запрещена. Репрессии последовали и в отношении КИАФ. В июле 1935 г. начальник Маньчжурского округа генерал Эглау был арестован и затем выдворен из Маньчжурии. Поговаривали, что этому поспособствовал генерал Кислицин [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 55241, л. 28]. Вслед за Эглау из Маньчжоу-го выслали генерала Акинтиевского, который, обосновавшись в Шанхае, обрушился с разоблачительной критикой на прояпонские круги эмиграции [Там же, д. 565, л. 28]. Согласно имеющимся свидетельствам, не последнюю роль в развале легитимистской организации играл возвратившийся в 1935 г. в Харбин из Трехречья генерал Москалев, выполнявший задание японцев [Там же, д. 15158, л. 13].

Уезжая из Маньчжоу-го в Тяньцзин, генерал Эглау назначил своим заместителем полковника Ф. В. Друри, хотя куда более важную роль среди харбинских легитимистов в это время играл подполковник Ф. Н. Зорин, объединивший вокруг себя около сотни членов КИАФ, среди которых особенно выделялись ижевцы [Там же, д. 55241, л. 7]. Зорин обратился с письмом к ВК Кириллу Владимировичу, подробно изложив все произошедшее в Маньчжурии. В Сен-Бриаке Зорина посчитали наиболее «твердым легитимистом» и назначили в 1936 г. новым представителем ЕИВ в Маньчжоу-го. Впрочем, деятельность КИАФ на северо-востоке Китая в это время практически прекратилась — был закрыт печатный орган, молодежная и военно-учебная структуры вошли в состав созданного летом 1935 г. в качестве военного отдела БРЭМ Дальневосточного союза военных (начальник — генерал Кислицин), численность легитимистов сократилась до 100–150 человек.

В 1938 г. японские власти, чтобы ликвидировать всякую неподконтрольную им «монархическую возню», организовали в Харбине под руководством Шепунова Монархическое объединение, куда были включены все русские организации, стоявшие на монархической платформе. Одновременно «верноподданническим» легитимистам было запрещено даже проведение молебнов.

Попытка Зорина в мае 1938 г. организовать молебен по случаю тезоименин ВК Кирилла Владимировича закончилась весьма печально. Он был вызван в Японскую военную миссию, где, по свидетельствам, отразившимся в документах БРЭМ, с ним обошлись очень грубо. «В самом начале, почему-то, от него требовали, чтобы он встал на колени, это требовали от него уже семь раз. Он отказался. Далее на него набросились за его приверженность к Кириллу Владимировичу. Зачем его почитают за Императора России. “Ваш Кирилл младоросс, большевик”. Далее ему сказали, что японцы против великого князя, так как он разговаривает с французами и англичанами, а они враги Японии и поэтому враг и К. В. Японец, который с ним говорил, все больше горячился и под конец заявил: “плевать мы хотим на ваших Романовых и династию”, при этом плюнул и растер ногой» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 231].

В августе 1938 г. Зорин по требованию властей был вынужден покинуть Харбин и перебраться в Шанхай, где совершенно отошел от политики. Большая

часть документов архива КИАФ были изъяты департаментом полиции [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 55241, л. 8]. «Дело Зорина» всколыхнуло общественность Харбина. Согласно свидетельствам информаторов БРЭМ, многие считали, что высылка Зорина являлась явной несправедливостью. В то же время в отношении «шепуновского» Монархического объединения люди были настроены весьма негативно [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 252].

После ликвидации легитимистской организации в Маньчжоу-го единственным легитимистским центром в Китае остался Шанхай. В конце 1930-х гг. представителем главы Российского Императорского дома на Дальнем Востоке являлся генерал-майор А. И. Исаков, долгое время руководивший монархическим обществом «Вера, Царь и Народ». После смерти Исакова в сентябре 1940 г. его преемником был назначен контр-адмирал Безуар [Ван, с. 391]. По одной из версий, Безуар, служивший капитаном на английском пароходе, погиб в первый день Тихоокеанской войны, когда на своем судне протаранил японский миноносец [Купцов, Буяков, Юшко, с. 50].

Установление в 1942 г. полного контроля японцев над иностранными концессиями Шанхая привело к окончательному прекращению деятельности легитимистов. Свою роль здесь сыграл и факт поддержки главой Российского Императорского дома фашистских властей во Франции, негативно воспринятый многими военными эмигрантами, занявшими в начавшейся советско-германской войне «оборонческую» позицию.

Подводя итоги деятельности КИАФ в Китае, необходимо отметить, что даже в сравнении с РОВС и БРП, чья борьба против советского режима была весьма неэффективна, результаты антисоветской работы легитимистов выглядят еще менее значимыми. Причины этого были не только и не столько в неблагоприятной политической обстановке на Дальнем Востоке и успешной деятельности советских спецслужб, сколько в стратегических просчетах — ставке на сохранение значительной частью населения Советского Союза монархических взглядов и восприятии Красной Армии восприемницей Императорской Армии, признании того, что «нет двух Русских Армий», Армия по обе стороны границы едина. Еще одной причиной, способствовавшей в целом ослаблению антибольшевистского движения, являлись личные амбиции и имперско-патриотический романтизм ВК Кирилла Владимировича, приведшие к расколу монархического движения и русской военной эмиграции, что вызвало нездоровую конкуренцию в рядах антибольшевиков. Помимо прочего, стоит отметить отсутствие у легитимистов надежной финансовой базы (впрочем, как и у их идеологических оппонентов в эмиграции), серьезные недостатки в работе руководства китайских подразделений КИАФ, которое зачастую свою главную задачу видело в том, чтобы «обставить» РОВС во влиянии на бывшую воинскую массу и молодежь, а также незначительное количество в рядах легитимистов «идейных борцов с большевизмом». Для многих борьба за освобождение России свелась к «срыванию» очередных чинов, наград, высочайших благоволений, тем самым антисоветское движение превратилось в «монархическую бутафорию».

Антонов В. Об основных вехах жизни и деятельности полковника Дмитрия Федичкина [Электронный ресурс] // Резидент-дипломат. 2005. 16 дек. URL: http://svr.gov.ru/smi/smi.htm (дата обращения: 02.04.2013).

Армия и Флот. 1932. № 6.

Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М. : Рус. Путь : Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2008.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Архивно-следственные дела. Д. 36449, 36825, 36873, 39453, 40158, 46300.

ГАРФ. Ф. Р-5826. Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Оп. 1. Д. 139; Ф. Р-6081. Управление КВЖД, г. Харбин. Оп. 1. Д. 16а; Ф. Р-9145. Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций. Оп. 1. Д. 241.

ГАХК. Ф. Р-830. Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1934–1945 гг.). Оп. 3. Д. 565, 4922, 15158, 41212, 55241.

Граф Г. К. На службе императорскому дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 2004.

Громов А. Антикоммунистическая деятельность легитимистов в межвоенный период [Электронный ресурс] // Легитимист. Информационное агентство Российского императорского Союза-Ордена. URL: http://legitimist.ru (дата обращения: 22.10.2013).

Громов А. Корпус Императорской Армии и Флота [Электронный ресурс] // Легитимист. Информационное агентство Российского императорского Союза-Ордена. URL: http://legitimist.ru (дата обращения: 22.10.2013).

Грядущая Россия. 1934. № 9–10; 11, 14, 15–16.

Кислицин В. А. В огне Гражданской войны // Русская Атлантида. 2010. № 36. С. 7–14.

Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны : биограф. справочник. М. : Кучково поле : Ассоциация «Военная книга», 2011.

Между Первой и Второй мировыми войнами. Ликвидация «Таежного штаба» [Электронный ресурс]. URL: http://greatoperation.narod.ru/3/likvidstaba.htm (дата обращения: 18.02.2015).

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940-е гг.: Документы и материалы : учеб. пособие / под ред. А. Ф. Киселева. М. : Владос, 1999.

Серегин А. В. Монархисты-легитимисты и Русский Общевоинский Союз // Новый исторический вестник. 2014. № 39. С. 89–104.

Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М. : Т-во науч. изд. КМК, 2007.

Часовой. 1934. № 121; 1935. № 141–142.

HIA. Moravskii. Box 7. F. 11. Émigré organization.

Статья поступила в редакцию 18.03.2016 г.

Смирнов Сергей Викторович
кандидат исторических наук, доцент
кафедры новой и новейшей истории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Smirnov, Sergei Viktorovich
PhD (History), Associate Professor
Department of Modern and Contemporary History
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

THE CORPS OF THE IMPERIAL ARMY AND NAVY IN ITS STRUGGLE FOR THE LEADERSHIP OF THE RUSSIAN MILITARY EMIGRATION IN CHINA (1920s — Early 1940s)

The desire of the anti-Bolshevik forces of the Russian emigration to avenge for the civil war they lost to the Bolsheviks highlighted the issue of consolidation of the remains of the White Army as well as creation of a unified command centre. They failed to achieve this unity. As a result there emerged two largest organizations uniting the former Russian military, i.e. the Corps of the Imperial Army and Navy (Rus. KIAF) and the Russian All-Military Union (Rus. ROVS). The article is devoted to some understudied issues of the formation, development, organization, and operation of the KIAF units in China between the 1920s and the early 1940s. The study is based on a number of little-known documents from central and regional archives of the Russian Federation and émigré periodicals. An important emphasis is made on the confrontation of the KIAF and the ROVS caused by their desire to dominate in the anti-Soviet struggle of the military emigration, as well as the reasons behind the failure in the activity of the Chinese KIAF units. Summarizing the results of the KIAF activities in China, the author points out the main causes of failures, namely, strategic miscalculations (the fact that they expected a considerable part of the Soviet population to still stand by the monarchist views and perceive the Red Army as a successor to the Imperial Army), personal ambitions and imperial patriotic romanticism of Grand Duke Kirill Vladimirovich, leading to a split in the monarchist movement and Russian military emigration, which led, in its turn, to unhealthy competition among anti-Bolsheviks, the absence of appropriate financial resources and serious deficiencies in the management of the Chinese KIAF units.

K e y w o r d s: Russian émigré; Corps of the Imperial Army and Navy; legitimists; Russian All-Military Union; China; Manchuria.

Antonov, V. (2005, December 16). Ob osnovnykh vekhakh zhizni i deiatel'nosti polkovnika Dmitriia Fedichkina [On the Major Stages of Life and Activity of Colonel Dmitry Fedichkin]. *Resident-diplomat*. Retrieved from http://svr.gov.ru/smi/smi.htm. (In Russian)

Armiia i Flot. (1932). (In Russian)

Chasovoi. (1934, 1935). (In Russian)

Graf, G. K. (2004). *Na sluzhbe imperatorskomu domu Rossii. 1917–1941: Vospominaniya* [Serving the Imperial House of Russia. 1917–1941: Memoirs]. Saint Petersburg: Publishing house Rus.-Balt. information center "BLITZ". (In Russian)

Griaduschaia Rossiia. (1934). (In Russian)

Gromov, A. Antikommunisticheskaia deiatel'nost' legitimistov v mezhvoennyi period [The Anti-Communist Activity of Legitimists during the Interwar Period]. *Legitimist. Informatsionnoe agentstvo Rossiiskogo imperatorskogo Souza-Ordena* [The Legitimist. The News Agency of the Russian Imperial Union — Order]. Retrieved from http://legitimist.ru. (In Russian)

Gromov, A. Korpus Imperatorskoi Armii i Flota [Corps of the Imperial Army and Navy]. *Legitimist. Informatsionnoe agentstvo Rossiiskogo imperatorskogo Souza-Ordena* [The Legitimist. The News Agency of the Russian Imperial Union — Order]. Retrieved from http://legitimist.ru (In Russian)

Kiselev, A. F. (Ed.). (1999). *Politicheskaia istoriia russkoi emigratsii. 1920–1940-e gg.: Dokumenty i materialy: uchebnoe posobie* [The Political History of Russian Emigration. 1920s–1940s: Documents and Materials: A Textbook]. Moscow: Vlados. (In Russian)

Kislitsin, V. A. (2010). V ogne Grazhdanskoi voiny [In the Fire of the Civil War]. *Russkaia Atlantida,* 36, 7–14. (In Russian)

Kuptsov, I. V., Buyakov, A. M., & Yushko, V. L. (2011). *Belyi generalitet na Vostoke Rossii v gody Grazhdanskoi voiny: Biograficheskii spravochnik* [The White Generals in the East of Russia during the Civil War: A Biographical Handbook]. Moscow: Kuchkovo pole; Assotsiatsiia "Voennaia kniga". (In Russian)

Mezhdu Pervoi i Vtoroi mirovymi voinami. Likvidatsiia "Taezhnogo shtaba" [Between the First and Second World Wars. The Elimination of the "Taiga' Staff"]. Retrieved from http://greatoperation.narod.ru/3/likvidstaba.htm. (In Russian)

Seregin, A. V. (2014). Monarkhisty-legitimisty i Russkii Obschevoinskii Souz [Monarchists-Legitimists and the Russian All-Military Union]. *Novyi istoricheskii vestnik,* 39, 89–104. (In Russian)

Usov, V. N. (2007). *Sovetskaia razvedka v Kitae: 30-e gody XX veka* [Soviet Intelligence in China: 1930s]. Moscow: Tovarischestvo nauchnykh izdanii KMK. (In Russian)

Wang Zhicheng (2008). *Istoriia russkoi emigratsii v Shankhae* [The History of Russian Emigration in Shanghai]. Moscow: Russkii put': Biblioteka-fond "Russkoe Zarubezh'e". (In Russian)

Received 18 March 2016